

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 201-АПУ19-38

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

25 сентября 2019 г.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в составе
председательствующего Воронова А.В.,
судей Дербилова О.А. и Замашнюка А.Н.
при секретаре Жиленковой Т.С.

с участием прокурора отдела управления Главной военной прокуратуры Мацкевича Ю.И., осуждённых Бурхониддини С., Игамбердыева Х.А., Исомадинова О.Р., Нодирова З.Г., Нодирова Ф.Ш., Одинаева А.И., Сатторова М.А., Сиддикова С.А., Хидирбаева А.Н. – путём использования систем видеоконференц-связи, защитников – адвокатов Самохвалова В.С., Дориной Н.В., Гаджиева Б.Э., Хамракулова Ш.Т., Трифоновой Л.Ю., Березиной М.В., Шиваревой К.В., Вихарева А.Е., Михайловского Н.Н., Кирсанова В.И., переводчика Усканбоевой Х.У. рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционным жалобам защитника осуждённого Нодирова З.Г. – адвоката Трифоновой Л.Ю., защитника осуждённого Нодирова Ф.Ш. – адвоката Сохиевой С.В., осуждённого Игамбердыева Х.А. и его защитника – адвоката Дориной Н.В., осуждённого Одинаева А.И. и его защитника – адвоката Моисеевой Е.Л., осуждённого Бурхониддини С. и его защитника – адвоката Самохвалова В.С., осуждённых Сатторова М.А. и Сиддикова С.А., защитника осуждённого Исомадинова О.Р. – адвоката Гаджиева Б.Э., защитника осуждённого Хидирбаева А.Н. – адвоката Хасавова Д.З. на приговор Московского окружного военного суда от 15 февраля 2019 г., согласно которому

Нодиров Зафар Гаффорович, [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED], несудимый,

Нодиров Фарход Шухратович, [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED], несудимый,

Игамбердыев Хамид Алиджонович, [REDACTED]

[REDACTED], несудимый, гражданин Российской Федерации,

осуждены, каждый, по ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ к лишению свободы на срок 16 лет в исправительной колонии строгого режима, с ограничением Игамбердыеву Х.А. свободы на срок 1 год с возложением на него обязанностей, указанных в приговоре;

Одинаев Алиджон Иброгимович, [REDACTED]

[REDACTED], несудимый,

Бурхониддини Собирджон, [REDACTED]

[REDACTED] несудимый,

Сатторов Муроджон Абдунабиевич, [REDACTED]

[REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED],
несудимый,

Исомадинов Отабек Рабидинович, [REDACTED]

[REDACTED] несудимый,

Хидирбаев Азиз Наруллаевич, [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED],
[REDACTED], несудимый,

Сиддиков Сардорбек Абдулхамидович, [REDACTED]

[REDACTED]
[REDACTED], судимый 4 февраля 2014 г. Бутырским районным судом г. Москвы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ и ч. 2 ст. 282² УК РФ, к 2 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима и штрафу в размере 100 000 рублей,

осуждены, каждый, по ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ к лишению свободы в исправительной колонии строгого режима на срок: Одинаев А.И., Бурхониддини С., Сатторов М.А., Исомадинов О.Р. и Хидирбаев А.Н. – 11 лет, Сиддиков С.А. – 12 лет.

В приговоре разрешены вопросы о мере пресечения, вещественных

доказательствах и процессуальных издержках.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Замашнюка А.Н., изложившего содержание приговора, существо апелляционных жалоб и возражений на них, выступления осуждённых Бурхониддини С., Игамбердыева Х.А., Исомадинова О.Р., Нодирова З.Г., Нодирова Ф.Ш., Одинаева А.И., Сатторова М.А., Хидирбаева А.Н. и Сиддикова С.А., защитников – адвокатов Самохвалова В.С., Дориной Н.В., Гаджиева Б.Э., Хамракулова Ш.Т., Трифоновой Л.Ю., Березиной М.В., Шиваревой К.В., Вихарева А.Е., Михайловского Н.Н., Кирсанова В.И., поддержавших доводы апелляционных жалоб, прокурора Мацкевича Ю.И., возражавшего против этих доводов и полагавшего необходимым приговор оставить без изменения, а апелляционные жалобы осуждённых и их защитников – без удовлетворения, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Нодиров З.Г., Нодиров Ф.Ш. и Игамбердыев Х.А. признаны виновными и осуждены за организацию деятельности международной организации «[REDACTED]» («[REDACTED]», далее – «[REDACTED]»), которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, а Одинаев А.И., Бурхониддини С., Сатторов М.А., Исомадинов О.Р., Хидирбаев А.Н. и Сиддилов С.А. – за участие в деятельности этой террористической организации.

Преступления совершены осуждёнными в период с октября по 6 декабря 2016 г. в г. [REDACTED] при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

Осуждёнными Игамбердыевым, Одинаевым, Бурхониддини, Сатторовым и Сиддиковым, защитниками – адвокатами Трифоновой Л.Ю., Сохиевой С.В., Дориной Н.В., Моисеевой Е.Л., Самохваловым В.С., Гаджиевым Б.Э. и Хасавовым Д.З. на приговор поданы апелляционные жалобы, в которых они, утверждая о незаконности, необоснованности и несправедливости обвинительного приговора, просят его отменить и оправдать осуждённых, а Сатторов просит приговор отменить, дело передать на новое рассмотрение либо возвратить прокурору.

По мнению авторов жалоб, приговор подлежит отмене ввиду несоответствия изложенных в нём выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела и существенного нарушения уголовно-процессуального закона, а также чрезмерной суровости назначенного осуждённым наказания.

Адвокат Трифонова Л.Ю. в апелляционной жалобе в защиту интересов осуждённого Нодирова З.Г. утверждает о недоказанности вины последнего в преступлении, за которое он осуждён, поскольку Нодиров З.Г. не знал о запрете в Российской Федерации партии «[REDACTED]», членом которой он являлся. Суд не установил, когда и на территории какого государства осуждённый вступил в эту партию, где и когда он организовал в России её филиал.

Указывает на то, что названная партия во многих странах не является запрещённой, что, по мнению адвоката, влияет на наличие в действиях Нодирова З.Г. состава преступления. Судом не добыты доказательства совершения им каких-либо действий террористического характера, призывов к насилию и свержению власти, а изучение религиозной литературы не может являться основанием для привлечения к уголовной ответственности. В деле отсутствуют доказательства организационных действий Нодирова З.Г. по руководству деятельностью террористической организации, а таковыми не могут служить показания свидетелей, основанные на предположениях и слухах либо данные без указания источника своей осведомленности. Суд не мотивировал в приговоре, почему принял за основу свидетельские показания и необоснованно сослался на электронные носители информации, так как они в судебном заседании не исследовались. Не оглашался в суде и акт осмотра квартиры, где была изъята запрещённая литература.

По мнению адвоката Трифионовой Л.Ю., приговор не соответствует требованиям ст. 307 УПК РФ и постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре»: в приговоре не приведено описание преступного деяния в отношении каждого из осуждённых, не изложены и не оценены доводы защиты, нет анализа и оценки всем исследованным в судебном заседании доказательствам, отсутствует мотивированный вывод о том, почему суд принял одни доказательства и отверг другие, равно как и мотивировка решения о назначении Нодинову З.Г. столь сурового наказания, поскольку не учтены его возраст, состояние здоровья, положительные характеристики и данные о его личности, в связи с чем приговор явно несправедлив.

Адвокат Сохиева С.В. в апелляционной жалобе в защиту интересов осуждённого Нодирова Ф.Ш. указывает, что вина последнего во вменённом ему преступлении не установлена, все положенные в основу приговора доказательства базируются на предположениях, Нодиров Ф.Ш. осуждён необоснованно. В частности, показания засекреченных свидетелей Орлова и Уткина являлись противоречивыми, они основаны на догадках и не могут служить доказательствами вины подзащитного, а положенное в основу приговора заключение эксперта-религиоведа получено с нарушениями закона.

Осуждённый Игамбердыев и его защитник – адвокат Дорина Н.В. в апелляционных жалобах заявляют о чрезмерной суровости приговора, который вынесен с грубыми нарушениями норм УПК РФ, Конституции Российской Федерации, принципов уголовного судопроизводства и норм международного права. При назначении Игамбердыеву наказания судом не соблюдены требования ст. 389¹⁸ УПК РФ и ч. 1 ст. 62 УК РФ, а его виновность в ходе судебного разбирательства не доказана.

Ссылаясь на непризнание своей вины в ходе предварительного следствия и судебного заседания, Игамбердыев и его защитник утверждают о том, что его показания были последовательными и ничем не опровергнуты, а доказательств того, что действия Игамбердыева носили террористическую направленность, в деле нет.

Осуждённый не согласен с решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании террористической и запрете на территории Российской Федерации организации «[REDACTED]», заявляет, что оно было вынесено без исследования доказательств и установления фактических обстоятельств деятельности партии, без привлечения конкретных лиц и без обеспечения его личного участия в судебном разбирательстве, поэтому использование данного решения при рассмотрении настоящего уголовного дела недопустимо, поскольку нарушает его право на защиту. Суд не учёл, что «[REDACTED]» не совершала актов терроризма и признана террористической организацией только в России.

Как полагают Игамбердыев и адвокат Дорина Н.В., выводы суда основаны на односторонней оценке доказательств, а совокупность доказательств, которая бы неопровержимо подтверждала виновность Игамбердыева в совершении инкриминируемого ему преступления, отсутствует, ряд доказательств получен с нарушением закона в ходе одностороннего и предвзятого предварительного следствия. Фактических данных, которые бы свидетельствовали о роли и конкретных организационных действиях Игамбердыева в деятельности ячейки «[REDACTED]», не имеется.

По мнению Игамбердыева, показания засекреченного свидетеля У [REDACTED] недостоверны и подлежат исключению из числа доказательств. Их лживость могла быть проверена путём прослушивания аудиозаписей разговоров, однако суд в этом защите отказал. Показания самого Игамбердыева в приговоре изложены неверно, чем суд продемонстрировал обвинительный уклон. Искажены судом и показания свидетеля Б [REDACTED] которые носят предположительный характер и не могут считаться достоверным доказательством. Ссылка в приговоре на протокол проверки показаний Игамбердыева на месте от 17 ноября 2017 г. необоснованна, так как этот протокол в суде не оглашался. Не оглашался судом и протокол обыска в жилище Игамбердыева, на что указывает адвокат Дорина Н.В.

В свою очередь, осуждённый обращает внимание на то, что суд не прослушал диски с аудиозаписями, не исследовал литературу «[REDACTED]» и другие материалы дела, могущие оправдывать подсудимых, а действия его самого и других фигурантов дела последствий для государства и общества не повлекли, в связи с чем отсутствует общественная опасность содеянного ими.

Осуждённый Сатторов в апелляционной жалобе, ссылаясь на свои показания и позицию о непризнании вины в предъявленном обвинении, утверждает об отсутствии доказательств его участия в деятельности террористической организации и необоснованности осуждения.

По мнению Сатторова, показания свидетеля Б [REDACTED], которого лично он не видел в квартире по адресу: [REDACTED] кв. [REDACTED] об участии его в «халакатах» противоречивы и недостоверны. Он, Сатторов, опровергал эти показания Б [REDACTED] на очной ставке с ним, когда утверждал, что в указанной квартире был последний раз 26 октября 2016 г., а Б [REDACTED] не опознал его в судебном заседании. Следовательно сфабриковал

протоколы допроса Б [REDACTED], который подписывал эти протоколы из боязни привлечения к уголовной ответственности. Показания свидетеля О [REDACTED] о проведении оперативно-розыскных мероприятий, положенные судом в основу приговора, носили предположительный характер, так как О [REDACTED] ничего не знал о Сатторове, его функциях в названной квартире, равно как и о других подсудимых, а на следствии и в суде свидетель давал противоречивые показания, которые не могут быть признаны достоверными. Противоречивыми являются также показания свидетеля У [REDACTED] который не опознал его в суде и не мог привести уличающие его сведения, в связи с чем эти показания не могут служить доказательством его вины.

Сатторов считает, что суд нарушил положения ст. 73 УПК РФ, так как время, место, способ и другие обстоятельства совершения им преступления и его вина не установлены и не выяснено, когда и где он вступил в партию « [REDACTED] », а все выводы суда основаны на предположениях, что не отвечает требованиям ст. 302 УПК РФ и принципу презумпции невиновности.

Защитник осуждённого Исомадинова – адвокат Гаджиев Б.Э., анализируя в жалобе вывод суда о признании Исомадинова виновным и перечисляя доказательства, положенные в основу приговора, утверждает о несоответствии данного вывода фактическим обстоятельствам дела и доказательствам, рассмотренным в судебном заседании.

По мнению адвоката, показания Игамбердыева и Сиддикова, которые не называли Исомадинова, не могут служить доказательствами его виновности. Показания свидетелей В [REDACTED] и О [REDACTED] требуют критической оценки, так как свидетели являются оперативными сотрудниками и заинтересованы в исходе дела, к тому же их показания носят характер рассуждений и субъективны. Показания свидетеля Б [REDACTED] не подтверждают вину Исомадинова, так как он видел осуждённого в квартире по адресу: г. [REDACTED] [REDACTED] до и после собраний, а не на них, в судебном заседании свидетель не узнал Исомадинова. Показания свидетеля У [REDACTED] об участии Исомадинова в собрании 7 ноября 2016 г. противоречат протоколу осмотра (прослушивания) аудиозаписи и заключению эксперта-религиоведа, сами эти показания были избирательными и вызывают сомнение. Свидетели Б [REDACTED] и У [REDACTED] давали свои показания из боязни привлечения их, как бывших участников « [REDACTED] », к уголовной ответственности, фактически эти показания сфабрикованы следователем. Критической оценки заслуживают также показания свидетеля Л [REDACTED] и протокол предъявления ей лица для опознания, который был получен с нарушением требований УПК РФ, так как имеются противоречия в описании Л [REDACTED] на допросах примет, по которым она может опознать Исомадинова, её показания об обстоятельствах встреч с Исомадиновым носят путанный характер. Протоколы обысков в квартирах, где проживали другие осуждённые и где были обнаружены запрещённые издания, не имеют отношения к Исомадинову, поскольку лично у него ничего запрещённого не изымалось. Данные о детализации телефонных соединений, указывающие на местонахождение мобильного телефона Исомадинова во время проведения собраний в квартире по адресу: г. [REDACTED]

шоссе, [REDACTED] не подтверждают его вину, так как он мог приезжать в эту квартиру в гости, но не участвовать в собраниях. Не являются доказательствами вины Исомадинова, по мнению адвоката, и протоколы осмотра и прослушивания компакт-дисков с записями, которые не содержат информации о наличии на них его голоса, а ссылка в приговоре на заключение психолого-психиатрической экспертизы в отношении Исомадинова не доказывает его причастность к преступлению.

Адвокат Гаджиев Б.Э. заявляет о недопустимости заключения эксперта от 17 мая 2017 г., поскольку с постановлением следователя о назначении криминалистической экспертизы от 12 апреля 2017 г. обвиняемый и его защитник были ознакомлены только 6 апреля 2018 г., то есть уже после производства самой экспертизы, что свидетельствует о нарушении требований ст. 195, 198 УПК РФ, к тому же выводы эксперта в отношении Исомадинова носят вероятностный характер, в связи с чем это заключение не может быть положено в основу приговора.

Как полагает защитник, приведённые в приговоре доказательства не подтверждают участие Исомадинова в деятельности организации «[REDACTED]», а могут лишь указывать на посещение им упомянутой выше квартиры. Суд не вправе был использовать в качестве доказательств показания свидетелей О [REDACTED] и У [REDACTED] (псевдонимы), а их допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение, вопреки возражениям защиты, нарушал положения УПК РФ, нормы международного права и правовые позиции Европейского Суда по правам человека, так как ограничивал возможности защиты в ведении допроса свидетелей и не обеспечивал равенство прав сторон.

Анализируя норму ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, защитник полагает, что судом не установлен прямой умысел Исомадинова на совершение преступления и не доказана его осведомлённость о признании «[REDACTED]» террористической организацией. Суд не выполнил требования ст. 73 УПК РФ, проигнорировал обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы, признав Исомадинова виновным при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и при отсутствии в его действиях состава преступления.

Осуждённый Одинаев в своей апелляционной жалобе заявляет о том, что приговор не соответствует требованиям ст. 7, 297 УПК РФ, при этом каких-либо доводов в обоснование своей просьбы об отмене приговора не приводит.

По мнению защитника Одинаева – адвоката Моисеевой Е.Л., выводы суда о виновности подзащитного не подтверждаются исследованными в судебном заседании доказательствами, а показания Одинаева о непризнании своей вины являются последовательными и ничем не опровергнуты.

Как указывает адвокат, подсудимый Сиддиков не подтвердил в суде свои уличающие Одинаева показания, данные на предварительном следствии. Показания свидетелей Б [REDACTED], В [REDACTED] и О [REDACTED] о нахождении Одинаева в квартире, где проходили собрания участников «[REDACTED]», не могут быть доказательствами его участия в деятельности террористической организации. Судом не установлена принадлежность Одинаеву изъятой при обыске в

квартире запрещённой литературы. Не подтверждают вину Одинаева детализация телефонных соединений и аудиозаписи разговоров фигурантов уголовного дела, поскольку он проживал в данной квартире и мог разговаривать с иными лицами на бытовые темы.

Адвокат Моисеева Е.Л. обращает внимание на установленный судом факт, что «халакаты» участников «[REDACTED]» проводились на русском языке, которым Одинаев не владел, однако суд этому обстоятельству оценки не дал. Следовательно, обвинительный приговор основан на предположениях, при его вынесении судом нарушен принцип презумпции невиновности, в связи с чем приговор подлежит отмене.

Адвокат Хасавов Д.З. в апелляционной жалобе и дополнениях к ней в защиту интересов осуждённого Хидирбаева утверждает о том, что суд положил в основу приговора доказательства, полученные с нарушением закона, не проверил высказанные в прениях доводы подсудимых об оказанном на них давлении со стороны оперативных сотрудников ФСБ и следователя и не опровергнул доводы защиты о невиновности подсудимых.

Так, не были опровергнуты показания Хидирбаева о его непричастности к деятельности организации «[REDACTED]», поскольку на него никто в качестве члена этой партии не указал, в материалах дела нет доказательств, что Хидирбаев давал клятву на верность этой организации, а показания свидетелей О [REDACTED] У [REDACTED] засекреченных без необходимых на то оснований, и свидетеля В [REDACTED] об этом являются недостоверными и носят предполагаемый характер. Критически оценивает показания названных свидетелей, которые, как и свидетель Б [REDACTED], о насильственном свержении политического строя в Российской Федерации и о призывах членов «[REDACTED]» к терроризму не говорили, однако суд оставил эти показания без внимания. Суд не проверил и не оценил доводы Хидирбаева о причинах его пребывания в названной выше квартире в качестве гостя, посещающего своих единомышленников. Также не проверил суд заявление Игамбердыева о несоответствии устава «[REDACTED]», имеющегося в материалах уголовного дела, подлинному уставу этой партии, и вменил осуждённому в вину осуществление уставной деятельности организации в отсутствие достоверного документа. В нарушение требований ст. 73 УПК РФ судом не установлены вина Игамбердыева и других осуждённых, их цели и мотивы, иные признаки состава инкриминируемого преступления. Выводы суда основаны на предположениях. Проявив предвзятость и обвинительный уклон, суд не обеспечил соблюдение требований ст. 14, 75, 88, 297, 302 УПК РФ, разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре», положений Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Доводы, идентичные по своему содержанию указанным утверждениям адвоката Хасавова Д.З. о нарушении судом принципов судопроизводства, норм УПК РФ и прав подсудимых, необъективности, предвзятости суда и занятом им обвинительном уклоне при рассмотрении дела, приводит в своей апелляционной жалобе осуждённый Бурхониддини.

Защитник Бурхониддини – адвокат Самохвалов В.С. в апелляционной жалобе утверждает, что вина его подзащитного не доказана, обвинение против него сфальсифицировано, его показания на предварительном следствии искажены следователем, который воспользовался недостаточным знанием Бурхониддини русского языка, а указанное обстоятельство суд оставил без внимания и при рассмотрении дела продемонстрировал обвинительный уклон.

Полагает недоказанным факт нахождения Бурхониддини на собраниях («халакатах») членов «[REDACTED]», проводимых в квартире по адресу: г. [REDACTED], во вменяемый следствием период, поскольку наличие своего голоса на аудиозаписи разговоров Бурхониддини не подтвердил, а заключения эксперта по данному вопросу не выносилось. В суде не были прослушаны аудиозаписи, не исследована запрещённая литература, которую якобы изучали осуждённые. Показания свидетелей О [REDACTED] и В [REDACTED] об участии Бурхониддини в занятиях ячейки «[REDACTED]» субъективны, надуманны и фактически являются оговором, а иных доказательств причастности его подзащитного к террористической деятельности не имеется. В нарушение ст. 307 УПК РФ в приговоре не приведены мотивы принятых судом решений в отношении каждого из осуждённых. При вынесении приговора суд не учёл положительные данные о личности Бурхониддини, его род занятий, семейные обстоятельства, наличие на иждивении тяжело больных пожилых родителей.

Осуждённый Сиддиков в апелляционной жалобе, излагая обстоятельства своей жизнедеятельности после освобождения в 2016 году из мест лишения свободы, утверждает, что преступлений он более не совершал, к деятельности ячейки «[REDACTED]» не причастен, обвинение против него и его показания сфальсифицированы.

Кроме того, осуждённые Игамбердыев, Бурхониддини, Сатторов, защитники – адвокаты Трифонова Л.Ю., Сохиева С.В., Дорина Н.В., Моисеева Е.Л., Гаджиев Б.Э., Хасавов Д.З. и Самохвалов В.С. утверждают о незаконности положенного судом в основу приговора заключения эксперта-религиоведа от 30 марта 2018 г., ставят вопрос о признании его недопустимым доказательством, поскольку:

в нарушение УПК РФ и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» экспертиза проведена ненадлежащим лицом, не состоящим в трудовых отношениях с экспертным учреждением – «Автономной некоммерческой организацией по проведению судебных экспертиз и прикладных исследований в целях противодействия экстремизму и терроризму «Центр судебных экспертиз» (далее – АНО «Центр судебных экспертиз»), а потому не имеющим права на проведение такой экспертизы; данная экспертиза была поручена А [REDACTED] директором названного Центра А [REDACTED] которая является его женой; АНО «Центр судебных экспертиз» не имеет договора с УФСБ России по г. Москве и Московской области на проведение таких экспертиз; эксперт А [REDACTED] некомпетентен, не имеет достаточного опыта работы в сфере проведения религиоведческих экспертиз, его специализация не позволяла

делать выводы в области исследования ислама; эксперту были предоставлены только диски с аудиозаписями разговоров и протоколы их осмотра (стенограммы), материалы уголовного дела ему не предоставлялись, поэтому эксперт не исследовал сами аудиозаписи, что свидетельствует о неполноте исследования; эксперт не знал языка, на котором разговаривали лица, чьи голоса зафиксированы на аудиозаписях, в связи с чем не мог сделать правильные выводы и дал ответы на правовые вопросы, недопустимо поставленные перед ним следователем; к производству экспертизы не был привлечён специалист в области лингвистики; эксперт не дал анализа содержания разговоров фигурантов, не раскрыл значения слов и выражений и не привёл описания коммуникативной ситуации; выводы эксперта надуманны и голословны, научно необоснованны и сформулированы в отсутствие соответствующей методики исследования, поэтому заключение является недостоверным; суд необоснованно отверг предоставленное стороной защиты заключение специалиста И. [REDACTED] [REDACTED] с критической рецензией на заключение эксперта, безмотивно положил это заключение в основу приговора и необоснованно отказал защите в его исключении из числа доказательств, а также в ходатайстве о назначении повторной комплексной психолого-лингвистической религиозоведческой экспертизы, чем нарушил состязательность сторон; допрос эксперта в суде был осуществлён без участия специалиста, о чём просила сторона защиты, а на все вопросы защиты эксперт не ответил.

Адвокат Трифонова Л.Ю. также приводит тезис о том, что при допросе эксперта в судебном заседании его заключение не оглашалось, а адвокат Гаджиев Б.Э. указывает на нарушение положений ч. 3 ст. 195 и ст. 198 УПК РФ, поскольку с постановлением о назначении религиозоведческой судебной экспертизы обвиняемый Исомадинов и защитники были ознакомлены уже после производства экспертизы, что влечёт за собой признание данного заключения недопустимым доказательством.

Помимо изложенного, в апелляционных жалобах осуждённых Игамбердыева, Сатторова, Бурхониддини, Сиддикова, защитников – адвокатов Трифоновой Л.Ю., Сохиевой С.В., Дориной Н.В., Гаджиева Б.Э., Моисеевой Е.Л., Хасавова Д.З. и Самохвалова В.С. приводятся, со ссылками ряда авторов на положения УПК РФ, Конституции Российской Федерации, нормы международного права и позиции Европейского Суда по правам человека, схожие по своему существу доводы о нарушении судом при рассмотрении дела презумпции невиновности, правил состязательности сторон, необъективности и предвзятости, о негативном отношении суда к подсудимым, являющимся мусульманами, и обвинительном уклоне, что привело к ущемлению прав подсудимых на защиту, на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом и к осуждению их не за преступление, а за убеждения и веру.

В возражениях на апелляционные жалобы государственный обвинитель Зотчик Э.А. просит оставить приговор в отношении всех осуждённых без изменения, а апелляционные жалобы в их защиту без удовлетворения.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы апелляционных жалоб, выслушав стороны, Судебная коллегия приходит к выводу о том, что Нодиров З.Г., Нодиров Ф.Ш., Игамбердыев, Одинаев, Бурхониддини, Сатторов, Исомадинов, Хидирбаев и Сиддигов обоснованно осуждены за совершение изложенных в приговоре преступлений, а выводы суда первой инстанции об их виновности соответствуют фактическим обстоятельствам дела и основаны на исследованных в судебном заседании доказательствах.

Вопреки доводам авторов жалоб, судебное разбирательство по делу проведено объективно и всесторонне, с соблюдением требований УПК РФ о состязательности и равноправии сторон и выяснением всех юридически значимых для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе места, времени, способа совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступлений, а сторонам судом были созданы необходимые условия для исполнения их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных прав, которыми они реально воспользовались.

Данных о том, что судебное разбирательство проводилось предвзято, с обвинительным уклоном, с нарушением права подсудимых на справедливый и беспристрастный суд, с ущемлением их процессуальных и общегражданских прав и свобод и что суд отдавал предпочтение какой-либо из сторон, из материалов дела не усматривается.

Право стороны защиты на представление доказательств, заявление ходатайств, высказывание своего мнения по всем рассматриваемым в суде вопросам, вопреки доводам авторов жалоб, не ограничивалось и было реализовано.

Судом соблюдены основополагающие принципы уголовного судопроизводства, а утверждения об обратном, в частности, осуждённых Игамбердыева, Сатторова, Бурхониддини, Сиддикова, адвокатов Трифионовой Л.Ю., Сохиевой С.В., Дориной Н.В., Гаджиева Б.Э., Моисеевой Е.Л., Хасавова Д.З. и Самохвалова В.С. являются надуманными и не соответствуют действительности.

В судебном заседании всесторонне, полно и объективно исследовались показания подсудимых, свидетелей, заключения и показания экспертов и специалиста, в том числе по ходатайствам сторон при наличии на то оснований оглашались показания названных лиц, данные ими в ходе предварительного следствия, выяснялись причины противоречий в этих показаниях и путём полного и объективного исследования доказательств в их совокупности эти противоречия устранялись.

Как усматривается из протокола судебного заседания, все заявленные сторонами ходатайства разрешены в установленном законом порядке. Решения суда по этим ходатайствам сомнений в своей правильности не вызывают.

В приговоре приведено чёткое и понятное описание признанных доказанными преступных деяний, совершённых каждым из осуждённых, с указанием необходимых по закону обстоятельств, дана надлежащая правовая оценка исследованным по делу доказательствам, как в отдельности, так и в

совокупности, указано, какие из них суд положил в его основу, а какие отверг, приведены убедительные мотивы принятых решений по этим вопросам, с которыми Судебная коллегия полагает необходимым согласиться. В связи с этим доводы авторов жалоб о невыполнении судом положений ст. 73 УПК РФ и несоответствии обжалуемого приговора требованиям ст. 304, 307-309 УПК РФ являются несостоятельными.

Нарушений уголовно-процессуального и уголовного законов, влекущих отмену приговора, не допущено, а неустранимых сомнений в виновности осуждённых в совершении описанных в приговоре преступлений не имеется.

Выводы суда первой инстанции о виновности осуждённых в совершении преступлений при обстоятельствах, установленных судом и изложенных в приговоре, подтверждаются следующими доказательствами:

показаниями Игамбердыева, данными в ходе предварительного следствия, который подтвердил своё участие в деятельности признанной террористической и запрещённой на территории Российской Федерации организации «[REDACTED]», членом которой он являлся с 2013 года, и подробно пояснил о проведении им в качестве «мушриф» (руководителя среднего звена) собраний и занятий («халакатов») в квартире 91 корп. 4 дома 85 по [REDACTED] шоссе в г. [REDACTED] с группой «хизбиев» и «дарисов» (участников и учеников «[REDACTED]») по изучению литературы, идеологии и политики этой международной террористической организации, которые, в частности, имели место в вечернее время 7, 9, 14, 21, 26, 28, 31 октября, 11, 12, 13 и 16 ноября 2016 г., а также узнал свой голос на аудиозаписях, на которых зафиксированы эти занятия;

показаниями Сиддикова, данными на предварительном следствии, согласно которым он, будучи ранее осуждённым за участие в деятельности запрещённой партии «[REDACTED]», в октябре-ноябре 2016 года принимал участие в занятиях ячейки данной организации, проводившихся в упомянутой квартире, об участии в этих занятиях Нодирова Ф.Ш. и Игамбердыева (в качестве руководителей), а также Нодирова З.Г., Одинаева, Бурхониддини, об изучении на этих занятиях идеологической литературы «[REDACTED]», о фактах участия его, Сиддикова, в таких занятиях 26, 31 октября и 7 ноября 2016 г., на аудиозаписях которых он опознал свой голос и речь;

показаниями свидетеля У [REDACTED] (псевдоним) об обстоятельствах посещения им собраний участников названной террористической организации, проводившихся в данной квартире в вечернее время 7, 9, 21, 26, 28, 31 октября, 7 ноября 2016 г., об участии конкретных лиц из числа подсудимых на этих собраниях, о руководящей роли в организации и проведении таких занятий Нодирова З.Ф., Нодирова Ф.Ш. и Игамбердыева, на которых изучались идеологические источники «[REDACTED]», обсуждались политические и практические вопросы деятельности данной запрещённой организации, а сами занятия проводились с соблюдением мер конспирации;

показаниями свидетеля Б [REDACTED] об обстоятельствах посещения в октябре и ноябре 2016 года собраний участников названной террористической организации, проходивших по вышеуказанному адресу, где изучалась

идеологическая литература и обсуждались вопросы практической деятельности и функционирования «[REDACTED]». Организовывали и проводили эти занятия «мушрифы» Нодиров З.Г., Нодиров Ф.Ш. и Игамбердыев, участвовали на этих занятиях Одинаев, Хидирбаев, Исомадинов, Сатторов, Бурхониддини и Сиддиков, а при проведении занятий соблюдались меры конспирации;

исследованными в суде протоколами очных ставок свидетеля Б [REDACTED] с обвиняемыми по настоящему делу, в ходе которых свидетель полностью подтвердил уличающие последних показания;

протоколами от 6 декабря 2016 г. обысков, произведённых в квартирах, где проживали Игамбердыев, Нодиров Ф.Ш. и Хидирбаев, Бурхониддини, Одинаев и Сиддиков (последние трое – в квартире [REDACTED] корп. [REDACTED] дома [REDACTED] по [REDACTED] шоссе в г. [REDACTED]), в ходе которых обнаружены и изъяты книги «[REDACTED]», «[REDACTED]» и другие, признанные судами Российской Федерации экстремистскими, книги и материалы;

заключением эксперта-криминалиста от 17 мая 2017 г. об идентификации Нодирова З.Г., Игамбердыева и Исомадинова как лиц, входивших в подъезд дома 85 корп. 4 по [REDACTED] шоссе в г. [REDACTED] в вечернее время 21, 28 октября и 7 ноября 2016 г. соответственно;

протоколом осмотра детализаций телефонных соединений со сведениями о местоположении мобильных телефонов, используемых Нодировым З.Г., Исомадиновым, Хидирбаевым, Одинаевым, Бурхониддини и Сатторовым, подтверждающими нахождение названных лиц в вечернее время в дни проведения упомянутых собраний в районе корп. [REDACTED] дома [REDACTED] по [REDACTED] шоссе г. [REDACTED]

показаниями свидетеля Л [REDACTED] о систематическом появлении в вечернее время осенью 2016 года в соседней с ней квартире [REDACTED] корп. [REDACTED] дома [REDACTED] по [REDACTED] шоссе г. [REDACTED] лиц азиатской внешности;

показаниями свидетелей В [REDACTED] и О [REDACTED] (псевдоним) об обстоятельствах проведения в октябре-ноябре 2016 года оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по пресечению деятельности ячейки «[REDACTED]» в г. [REDACTED], в ходе которых были зафиксированы собрания участников названной террористической организации, получены аудиозаписи разговоров и установлена причастность осуждённых к инкриминированным им преступлениям, а руководили указанной ячейкой и организовывали эти занятия Нодиров З.Г., Нодиров Ф.Ш. и Игамбердыев;

вещественными доказательствами – компакт-дисками с аудиозаписями, полученными в ходе упомянутых ОРМ;

протоколами осмотра и прослушивания данных компакт-дисков, где отражены результаты ОРМ «наблюдение» в виде стенограмм разговоров, зафиксированных в октябре и ноябре 2016 года в квартире [REDACTED] корп. [REDACTED] дома [REDACTED] по [REDACTED] в г. [REDACTED], содержание которых свидетельствует о конкретных случаях проведения собраний групп людей, обсуждающих идеологию организации «[REDACTED]», её программные установки, а также изучающих запрещённую литературу, посвящённую деятельности этой организации;

заключениями фонографических экспертиз, согласно которым в файлах с содержанием аудиозаписей упомянутых собраний зафиксированы голоса и речь осуждённых: 7 и 14 октября – Нодирова З.Г., Игамбердыева, Сатторова, Одинаева и Хидирбаева; 9 октября – Игамбердыева и Сатторова; 21 октября – Игамбердыева; 23 октября – Нодирова Ф.Ш.; 26 октября – Нодирова Ф.Ш. и Игамбердыева; 28 октября – Игамбердыева и Одинаева; 30 октября – Хидирбаева; 31 октября – Нодирова Ф.Ш. и Игамбердыева; 11 ноября – Игамбердыева; 12 ноября 2016 г. – Игамбердыева и Одинаева;

заключением эксперта-религиоведа от 30 марта 2018 г., данным по результатам исследования упомянутых выше аудиозаписей и протоколов их осмотра (прослушивания), согласно которому на собраниях, имевших место 7, 9, 14, 21, 23, 26, 28, 30, 31 октября, 7, 11, 12, 13 и 16 ноября 2016 г. участники организации «[REDACTED]» изучали идеологическую литературу этой организации, рассматривали практические вопросы её деятельности, обсуждали актуальные политические и религиозные темы. На занятиях изучались книги «[REDACTED]», «[REDACTED]», «[REDACTED]», «[REDACTED]» и другие источники «[REDACTED]», участники занятий обсуждали пути и способы достижения лучшей формы государственного устройства – халифата, то есть исламского государства, и его законодательной системы – шариата, высказывали критику иных существующих форм власти, обсуждали тему «джихада» - участия в боевых действиях, способы привлечения в партию новых сторонников («зиаратов»), необходимость сбора денег на нужды организации, соблюдения мер конспирации и другие практические и идеологические вопросы деятельности [REDACTED]. Руководителем занятий и собраний, как правило, выступало лицо по имени «Х[REDACTED]», а в числе присутствующих были «М[REDACTED]», «А[REDACTED]», «Б[REDACTED]», «Ф[REDACTED]», «А[REDACTED]», «С[REDACTED]», «Ф[REDACTED]». Роли и место лиц, фигурирующих в разговорах, отвечают иерархии, установленной в международной террористической организации «[REDACTED]»;

показаниями эксперта А[REDACTED] разъяснившего и подтвердившего в судебном заседании правильность выводов проведённой им судебной экспертизы;

решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116, согласно которому «[REDACTED]» («[REDACTED]») признана террористической организацией и её деятельность на территории Российской Федерации запрещена;

иными доказательствами, изложенными в приговоре.

Приведённые доказательства согласуются между собой по фактическим обстоятельствам, взаимосвязаны, подтверждают и дополняют друг друга, не содержат существенных противоречий, в связи с чем они, как полученные с соблюдением требований УПК РФ и не вызывающие сомнений в своей достоверности, правильно положены в основу постановленного по делу приговора.

Оценив в соответствии со ст. 17, 87-88 УПК РФ относимость, допустимость, достоверность каждого из доказательств, признав собранные

доказательства в совокупности достаточными для разрешения уголовного дела, суд первой инстанции, вопреки доводам апелляционных жалоб, сформулировал верный вывод о доказанности вины осуждённых в совершении указанных в приговоре преступных деяний.

Суд правильно сослался в приговоре на показания Игамбердыева и Сиддикова, данные ими на предварительном следствии, которые уличают как их самих, так и других осуждённых в инкриминируемых им преступлениях, а заявление авторов жалоб об обратном является ошибочным.

Эти показания Игамбердыев и Сиддиков давали свободно и добровольно, после разъяснения им всех предусмотренных УПК РФ прав и в присутствии защитников, то есть в условиях, исключающих саму возможность незаконного воздействия на обвиняемых, по прочтении соответствующих протоколов Игамбердыев, Сиддиков и их защитники подписали эти протоколы, удостоверив правильность содержащихся в них сведений своими подписями.

Оснований не доверять указанным показаниям Игамбердыева и Сиддикова у суда не имелось, поскольку они согласованы между собой и с другими доказательствами, объективно подтверждающими виновность осуждённых во вменённых им преступлениях, а причин для самооговора и оговора других лиц у Игамбердыева и Сиддикова не имелось и таковые не установлены.

Утверждение Игамбердыева об искажённом изложении в приговоре его показаний не соответствует действительности, поскольку его показания, данные как на предварительном следствии, так и в судебном заседании, приведены в приговоре объективно, без искажения их существа, в том числе обоснованно указано на то, что в ходе следствия все предъявленные ему на аудиозаписях факты проведения собраний с членами «[REDACTED]» в квартире [REDACTED] корп. [REDACTED] дома [REDACTED] по [REDACTED] шоссе г. [REDACTED] он подтвердил.

Правильно изложены в приговоре показания Сиддикова, которые, вопреки мнению адвоката Моисеевой Е.Л., уличают Одинаева, как и других осуждённых, в совершении инкриминированных им преступлений.

Ссылка адвоката Дориной Н.В. в жалобе на то, что в суде не был исследован протокол обыска в жилище Игамбердыева, несостоятельна, поскольку данный протокол в судебном заседании исследовался с участием сторон и приведён в приговоре наряду с другими доказательствами.

Суд первой инстанции обоснованно принял в качестве доказательств виновности осуждённых показания упомянутых выше свидетелей, которые, вопреки доводам авторов жалоб, соответствуют предъявляемым ст. 73, 74, 79 УПК РФ требованиям и получены в установленном законом порядке.

Судебная коллегия полагает неосновательными утверждения осуждённого Сатторова, адвокатов Сохиевой С.В., Гаджиева Б.Э., Моисеевой Е.Л., Самохвалова В.С. и Хасавова Д.З. о противоречивости и предположительном характере показаний свидетелей О [REDACTED] (псевдоним) и В [REDACTED] как и заинтересованности этих лиц, являющихся оперативными сотрудниками ФСБ России, в оговоре осуждённых.

Показания О [] и В [], непосредственно участвовавших в ОРМ и указавших в суде на данный источник своей осведомленности, правомерно признаны достоверными и положены судом в основу приговора, так как они являлись конкретными, последовательными и согласовывались с другими доказательствами.

Так, О [] и В [] лично узнали и назвали в судебном заседании всех осуждённых и сообщили известные им в связи со службой сведения об их причастности к деятельности ячейки « [] », участии последних в проведении собраний в квартире [] корп. [] дома [] по [] шоссе в г. [] за которой было установлено наблюдение, о роли каждого из осуждённых в иерархии названной террористической организации, что было выявлено ими путём анализа результатов оперативно-розыскной деятельности и зафиксированных разговоров осуждённых.

Сведений о личной заинтересованности названных свидетелей в исходе дела и о наличии у них каких-либо мотивов к оговору осуждённых материалы дела не содержат.

Надуманными являются доводы авторов апелляционных жалоб о возможной заинтересованности свидетелей У [] (псевдоним) и Б [] как бывших участников « [] » в оговоре осуждённых.

Показания упомянутых свидетелей правильно оценены судом и признаны достоверными, поскольку они согласуются с другими доказательствами по делу, объективно подтверждающими совершение осуждёнными инкриминированных им деяний.

Наличие у У [] и Б [] мотивов к оговору осуждённых, как на стадии предварительного следствия, так и в судебном разбирательстве не установлено, а в возбуждении в отношении данных лиц уголовного дела было отказано постановлениями следователя ещё до получения от них свидетельских показаний по настоящему уголовному делу, в связи с чем утверждение стороны защиты о даче показаний свидетелями из боязни привлечения к уголовной ответственности не основано на материалах дела и является голословным.

Кроме того, в ходе очных ставок с Балтруком обвиняемые Игамбердыев и Сиддиков, дававшие признательные показания об обстоятельствах содеянного ими и другими осуждёнными, подтверждали факты проведения «халакатов» с участием в них Б [] и присутствия последнего в квартире по упомянутому адресу, как и то, что оснований к их оговору у Б [] не имеется.

Вопреки мнению осуждённых Игамбердыева, Сатторова, адвокатов Сохиевой С.В., Гаджиева Б.Э., Моисеевой Е.Л. и Хасавова Д.З. показания свидетелей У [] и Б [] данные ими как непосредственными участниками исследуемых событий, противоречивыми и предположительными не являлись, они были убедительны и потому не вызвали у суда сомнений в своей правдивости.

Более того, указанные свидетели опровергли довод стороны защиты о том, что осуждённые на своих встречах в упомянутой квартире изучали только ислам, пояснив, что во время этих встреч в основном обсуждались вопросы,

касающиеся деятельности организации «[REDACTED] [REDACTED]» и построения халифата, а также изучалась запрещённая литература этой организации.

Что касается довода Игамбердыева об искажении в приговоре показаний Балтрука, то он опровергается материалами уголовного дела, из которых усматривается, что изложение судом показаний названного свидетеля соответствует содержанию протоколов его допросов на следствии, исследованных в судебном заседании, а также зафиксированных в протоколе судебного заседания.

Утверждения авторов апелляционных жалоб, что суд непосредственно не исследовал электронные носители информации, не прослушал аудиозаписи и не изучил изъятую у подсудимых литературу, несостоятельны, поскольку, как видно из протокола судебного заседания, об исследовании указанных источников информации в суде никто не заявлял, соответствующих ходатайств у стороны защиты не имелось.

Вместе с тем, судом подробно исследовались материалы дела, касающиеся изъятия и приобщения вещественных доказательств, протоколы осмотра (прослушивания) компакт-дисков с записями разговоров фигурантов дела, заключения судебных экспертиз, которые, в совокупности с другими доказательствами, убедительно подтверждают выводы суда о виновности осуждённых в инкриминируемых им деяниях.

По аналогичным основаниям Судебная коллегия признаёт несостоятельной ссылку адвоката Трифоновой Л.Ю. на то, что в суде не исследовался акт осмотра квартиры, где была изъята запрещённая литература, а на данный акт суд в приговоре не ссылался.

Доводы апелляционной жалобы адвоката Гаджиева Б.Э. о том, что изложенными в приговоре доказательствами не установлена причастность Исомадинова к вменённому преступлению, неубедительны, а вина последнего в содеянном полностью подтверждается приведёнными выше показаниями свидетелей У[REDACTED] Б[REDACTED] О[REDACTED] и В[REDACTED] детализацией телефонных соединений, заключениями криминалистической и религиоведческой экспертиз и иными исследованными судом доказательствами, получившими надлежащую оценку в приговоре.

Не влияет на правильность выводов суда мнение названного адвоката о необходимости критической оценки показаниям свидетеля Л[REDACTED] и о недопустимости протокола предъявления ей лица для опознания, так как эти доказательства получены с соблюдением требований УПК РФ, оснований не доверять которым у суда не имелось. Более того, сам Исомадинов не отрицал случаев посещения им квартиры [REDACTED] корп. [REDACTED] дома [REDACTED] по [REDACTED] шоссе г. [REDACTED], что фактически опровергает указанный довод защитника.

Голословными и не соответствующими действительности являются утверждения адвокатов Гаджиева Б.Э. и Хасавова Д.З. о нарушении права подсудимых на защиту и принципа состязательности сторон в процессе допроса свидетелей О[REDACTED] и У[REDACTED] (псевдонимы), поскольку допрос указанных лиц в суде в условиях, исключающих их визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, был осуществлён правильно и с

соблюдением требований ч. 5 ст. 278 УПК РФ. До начала их допроса суд удостоверился в наличии оснований для сохранения в тайне подлинных данных о личности свидетелей и отсутствии обстоятельств, влекущих раскрытие сведений об этих лицах. Такие основания, вопреки мнению защитников, содержатся в соответствующих заявлениях О [] и У [] и постановлениях следователя об обеспечении их безопасности, вынесенных с соблюдением требований закона, а показания указанных лиц не являлись единственными доказательствами виновности осуждённых в инкриминируемых им преступлениях.

При допросе указанных свидетелей, как и свидетеля В [], сторона защиты не была ограничена в праве задать им относящиеся к предмету судебного разбирательства вопросы, на которые были даны полные и исчерпывающие ответы, а по завершении допроса свидетелей вопросов к ним у сторон больше не возникло, в связи с чем доводы адвокатов Гаджиева Б.Э. и Хасавова Д.З. о нарушении принципа равенства прав сторон при допросе названных лиц являются надуманными и на материалах дела не основаны. Действия председательствующего, который отклонил единичные вопросы стороны защиты к указанным свидетелям, основаны на положениях ст. 243 и 252 УПК РФ, определяющих полномочия председательствующего по руководству судебным заседанием, пределы судебного разбирательства по делу и компетенцию свидетеля.

Мнение адвоката Гаджиева Б.Э. о недопустимости заключения эксперта-криминалиста от 12 апреля 2017 г. по мотиву ознакомления обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении данной экспертизы уже после получения её результатов не свидетельствует о существенном нарушении закона при производстве экспертизы и прав Исомадинова, поскольку права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, последний и его защитник могли реализовать как при ознакомлении с заключением эксперта, так и на последующих стадиях уголовного судопроизводства, в том числе при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ, каковыми они воспользоваться не желали.

Ссылка адвоката Моисеевой Е.Л. на незнание её подзащитным русского языка, на котором проводились «халакаты» ячейки « [] », как подтверждение непричастности Одинаева к совершению инкриминированного ему преступления, не может быть признана обоснованной, так как на участие последнего в деятельности названной террористической организации прямо указывают исследованные в суде доказательства, а слабое владение Одинаевым русским языком не исключало понимания им смысла и значения проводимых мероприятий и существа обсуждаемых с его участием вопросов лицами, с которыми он свободно общался на своём родном языке. Более того, Одинаев подтвердил в суде, что он понимает русский язык на разговорном уровне, на котором и проводились занятия с членами « [] ».

Доводы адвоката Самохвалова В.С. о фальсификации материалов уголовного дела в отношении его подзащитного Бурхониддини, искажении

показаний последнего следователем, который воспользовался тем, что Бурхониддини недостаточно владел русским языком, являются надуманными.

Как следует из материалов дела, Бурхониддини с момента его задержания 6 декабря 2016 г. и при проведении последующих процессуальных действий, после разъяснения ему предоставленных УПК РФ прав, заявлял, что желает давать показания без переводчика, на русском языке, которым владеет в достаточной степени, в ходе допросов, проводимых с участием защитника, свободно объяснялся, давал ответы на поставленные следователем вопросы, выполнял заявления на русском языке и подписывал протоколы без признаков каких-либо языковых затруднений.

Утверждения авторов жалоб о том, что осуждённые не были осведомлены о наличии судебного решения о запрете в Российской Федерации организации «[REDACTED]» и, соответственно, о недоказанности их преступного умысла, на обоснованность их осуждения не влияют, поскольку опровергаются наличием прямых доказательств соблюдения осуждёнными строгих мер конспирации при проведении мероприятий ячейки «[REDACTED]», что свидетельствует об осознании и понимании каждым из них того, что деятельность этой организации в Российской Федерации запрещена.

Не влияет на доказанность вины осуждённых в содеянном и довод адвоката Хасавова Д.З. о том, что судом им вменено осуществление уставной деятельности организации при отсутствии в материалах дела достоверного устава партии «[REDACTED]», поскольку Хидирбаев и другие подсудимые осуждены не за реализацию программных установок «[REDACTED]», а, соответственно, за организацию деятельности и участие в деятельности этой организации, признанной террористической, что было установлено в суде изложенными выше доказательствами, в связи с чем указанный довод защитника сам по себе беспредметен.

Не основанными на законе являются утверждения адвокатов Трифионовой Л.Ю., Дориной Н.В., Самохвалова В.С., Хасавова Д.З. и осуждённого Игамбердыева об отсутствии доказательств причастности осуждённых к каким-либо действиям террористического характера, поскольку организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации уголовным законодательством Российской Федерации отнесены именно к преступлениям террористической направленности.

Доводы адвокатов Трифионовой Л.Ю., Сохиевой С.В., Дориной Н.В. и осуждённого Игамбердыева об отсутствии в деле данных о руководящей и организующей роли Нодирова З.Г., Нодирова Ф.Ш. и Игамбердыева в ячейке «[REDACTED]» не соответствуют действительности и опровергаются исследованными судом доказательствами, прямо указывающими на то, что названные осуждённые совершали действия организационного характера (руководство проведением занятий и иные мероприятия), организуя тем самым деятельность ячейки террористической организации на территории г. [REDACTED]

Утверждения осуждённого Игамбердыева о несогласии с приговором суда первой инстанции ввиду непризнания им законности и обоснованности

решения Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании организации «[REDACTED]» террористической основанием для отмены приговора служить не могут.

Согласно ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ, действовавшей на момент признания организации «[REDACTED]» террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116, организация признается террористической и подлежит ликвидации на основании решения суда. Аналогичные положения в настоящее время закреплены в ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Поскольку решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. вступило в законную силу и не отменено, каких-либо оснований сомневаться в том, что организация «[REDACTED]» признана террористической организацией в Российской Федерации, не имеется.

Несогласие Игамбердыева с данным решением суда само по себе не может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности за конкретные действия по организации деятельности этой террористической организации.

Не служит таким основанием и указание Игамбердыева на то, что «[REDACTED]» не совершала актов терроризма и признана террористической организацией только в [REDACTED]

Не основан на требованиях закона и довод стороны защиты о том, что действия осуждённых последствий для государства и общества не повлекли, поскольку наступление таковых упомянутым лицам не вменялось и квалифицирующим признаком инкриминируемых им преступлений не является.

Вопреки мнению авторов жалоб, суд первой инстанции правильно оценил и положил в основу приговора заключение религиозно-судебной экспертизы от 30 марта 2018 г., выполненной экспертом АНО «Центр судебных экспертиз» А [REDACTED] которое, наряду с другими доказательствами, полностью изобличает осуждённых в содеянном, а утверждения осуждённых Игамбердыева, Бурхониддини, Сатторова, адвокатов Трифионовой Л.Ю., Сохиевой С.В., Дориной Н.В., Моисеевой Е.Л., Гаджиева Б.Э., Хасавова Д.З. и Самохвалова В.С. о недопустимости этого заключения как доказательства по делу являются ошибочными.

Указанная экспертиза была назначена правомочным следователем с соблюдением требований УПК РФ и Федерального закона от 31 мая 2011 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», которые не содержат запретов на производство экспертиз лицами, обладающими специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, не являющимися штатными судебными экспертами, в связи с чем мнение авторов жалоб о недопустимости данного заключения по причине его исполнения лицом, не являющимся штатным экспертом и не состоящим в

трудовых отношениях с АНО «Центр судебных экспертиз», не основано на законе.

Как пояснил в судебном заседании эксперт А [] [] вышеназванный Центр является некоммерческой организацией, проводящей судебные экспертизы не на договорной основе привлекаемыми специалистами, обладающими необходимыми знаниями в соответствующей области, к числу которых относится и он. Поэтому отсутствие официальных трудовых отношений между А [] [] и экспертной организацией, поручившей ему производство экспертизы, не может являться основанием для вывода о даче заключения неправомочным лицом.

Что касается довода стороны защиты о том, что экспертиза поручена А [] [] директором АНО «Центр судебных экспертиз», являющейся его женой, то это обстоятельство на допустимость и достоверность заключения не влияет. В материалах дела не содержится данных, которые бы свидетельствовали о какой-либо необъективности эксперта А [] [] по причине его состояния в родственных отношениях с руководителем названной организации, либо о его личной, прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела, а его жена, как руководитель АНО «Центр судебных экспертиз», участником производства по данному уголовному делу не являлась, в связи с чем оснований для отвода эксперту, предусмотренных ст. 70 УПК РФ, не имелось и не имеется.

Довод авторов жалоб об отсутствии договорных отношений между АНО «Центр судебных экспертиз» и УФСБ России по г. Москве и Московской области на проведение судебных экспертиз не основан на законе. Следовательно, как самостоятельное процессуальное лицо, в силу ст. 38 УПК РФ правомочен направлять ход расследования и вправе поручить производство экспертизы любому учреждению или лицу, отвечающему требованиям ч. 2 ст. 195 УПК РФ.

Как следует из материалов дела, до начала экспертизы эксперту А [] [] в установленном порядке разъяснены его права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ и ст. 307 УК РФ, а утверждение стороны защиты о том, что такое разъяснение было сделано по завершении производства экспертизы, является неосновательным.

Квалификация и специальная подготовка лица, проводившего экспертизу, были проверены как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании и, вопреки доводам авторов жалоб, сомнений не вызывает. Незначительный, с точки зрения авторов жалоб, стаж экспертной работы А [] [] с учётом данных об уровне его образования и характера проводимых исследований, не свидетельствует о том, что заключение было дано некомпетентным лицом.

При ознакомлении в порядке ст. 206 УПК РФ с заключением эксперта, содержащим сведения о его квалификации и стаже работы, от обвиняемых и их защитников каких-либо заявлений и возражений относительно компетенции А [] [] а также дополнительных вопросов для исследования, ходатайств о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве экспертов иных лиц или отводов эксперту не имелось.

Следователем в распоряжение эксперта были предоставлены необходимые и допустимые материалы, по результатам исследования которых он с применением научно-обоснованных методик сформулировал соответствующие выводы, а подготовленное заключение эксперта оформлено с соблюдением требований ст. 204 УПК РФ.

Вопреки доводам стороны защиты, в предоставлении эксперту дополнительных материалов уголовного дела, с учётом характера назначенной экспертизы и предмета исследования, необходимости не имелось.

Допрошенный в суде эксперт А. [] [] пояснив о соблюдении установленного УПК РФ порядка проведения судебной экспертизы и дав исчерпывающие показания по вопросу о своих образовании и квалификации, подтвердил научную обоснованность и аргументированность выводов, сделанных на основании всестороннего и объективного исследования всей совокупности представленных ему материалов, полно и подробно ответил на заданные ему вопросы.

Экспертом исследовались как стенограммы, так и сами аудиозаписи, что прямо следует из текста заключения, в котором также указаны применяемые в ходе исследования научные методики, а содержательная часть заключения позволяет констатировать вывод о том, что исследование проведено всесторонне и полно, в связи с чем доводы авторов жалоб об обратном являются несостоятельными.

Незнание А. [] отдельных слов из произнесённых лицами, речь которых зафиксирована на аудиозаписях, не повлияло на полноту исследования и достоверность сделанных выводов, поскольку содержание изученных им стенограмм, изложенных на русском языке, в полной мере позволяло провести анализ конкретной ситуации и разговоров фигурантов, оценить существо и направленность проводимых этими лицами собраний и дать обоснованные ответы на поставленные следователем вопросы.

Необходимости в привлечении к проведению экспертизы других специалистов, в том числе лингвистов и психологов, не возникло, поскольку по делу проводилась религиозоведческая, а не комплексная экспертиза, о чём А. [] дал убедительные пояснения в судебном заседании.

Что касается довода апелляционных жалоб о даче экспертом ответов на правовые вопросы, к числу которых сторона защиты относит вопрос № 3, изложенный в постановлении о назначении экспертизы, то, как прямо указано экспертом в заключении, он формулировал свои выводы с позиции религиозоведения, а не с точки зрения правовой оценки тех или иных событий и фактов, что было подтверждено им в ходе допроса в суде. Более того, выводы эксперта по указанному вопросу прямого отношения к предмету доказывания по настоящему делу не имеют и судом в основу приговора не положены, в связи с чем указанный довод авторов жалоб беспредметен.

Суждение стороны защиты о необходимости допроса эксперта в суде с участием специалиста на законе (ст. 282 УПК РФ) не основано, поскольку участие последнего при таком допросе обязательным не является, а мнение адвоката Трифионовой Л.Ю., что при допросе эксперта его заключение не

оглашалось, несостоятельно, так как указанное заключение было исследовано судом с участием сторон ранее и предоставлено эксперту в ходе его допроса.

Исходя из изложенного, верной является оценка суда первой инстанции заключению эксперта от 30 марта 2018 г. и показаниям специалиста И [] привлечённого стороной защиты для опровержения выводов эксперта, учитывая при этом, что в силу положений ст. 58 и 80 УПК РФ в компетенцию специалиста подготовка рецензий и оценок доказательствам по уголовному делу, в том числе заключению эксперта, не входит, в связи с чем представленное стороной защиты заключение и показания специалиста И [] не имеют юридической силы и согласно ст. 75 УПК РФ не могут использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Что касается довода адвоката Гаджиева Б.Э. об ознакомлении обвиняемого Исомадинова и его защитников с постановлением о назначении религиоведческой экспертизы уже после производства самой экспертизы, то это обстоятельство не служит основанием к признанию заключения эксперта незаконным, так как права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, эти лица могли в полной мере реализовать как при ознакомлении с самим заключением эксперта, так и в последующем при выполнении требований ст. 217 УПК РФ и на иных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, оснований для признания необоснованным и недопустимым доказательством заключения религиоведческой судебной экспертизы у суда первой инстанции не имелось, о чём в приговоре сделан мотивированный вывод, с которым Судебная коллегия полагает необходимым согласиться.

Оснований для назначения по делу повторной комплексной судебной экспертизы не имелось, поэтому отказ суда в удовлетворении соответствующего ходатайства стороны защиты является верным и прав осуждённых не нарушил, а решение об этом суд в силу ст. 256 УПК РФ полномочен был принять без удаления в совещательную комнату, в связи с чем довод адвоката Хасавова Д.З. об обратном на законе не основан.

Не имеется оснований для назначения данной экспертизы и в суде апелляционной инстанции, о чём ходатайствовала сторона защиты.

Что касается указания в апелляционной жалобе адвоката Хасавова Д.З. о том, что суд не проверил доводы подсудимых об оказанном на них давлении со стороны оперативных сотрудников ФСБ и следователя, то они были известны суду, проверялись в ходе рассмотрения дела и своего подтверждения не нашли, а объективных данных о применении недозволенных методов воздействия на обвиняемых с целью получения от них признательных показаний в материалах дела не имеется.

Несостоятельным является довод адвоката Хасавова Д.З. о нарушении права осуждённых и их защитников в течение 3 суток получить изготовленный протокол судебного заседания и подать мотивированную жалобу на приговор суда, поскольку упомянутая защитником ч. 7 ст. 259 УПК РФ содержит

дополнительные гарантии прав участников судебного разбирательства на ознакомление с протоколом судебного заседания в случае, если протокол в силу объективных обстоятельств изготовлен по истечении 3 суток со дня окончания судебного заседания, допуская тем самым возможность изготовления протокола судебного заседания в больший, чем предусмотренный ч. 6 ст. 259 УПК РФ, срок, а закон не связывает право на апелляционное обжалование приговора со сроками изготовления протокола судебного заседания. Данные гарантии судом реализованы и стороне защиты предоставлено достаточное время для ознакомления с протоколом судебного заседания.

Таким образом, приведёнными выше доказательствами, которые верно проанализированы и оценены в приговоре, подтверждаются фактические обстоятельства инкриминируемых осуждённым Нодирову З.Г., Нодирову Ф.Ш. и Игамбердыеву деяний в виде организации деятельности организации, признанной террористической, и участия осуждённых Одинаева, Бурхониддини, Сатторова, Исомадинова, Хидирбаева и Сиддикова в деятельности этой организации, цели и мотивы такого участия, время и места проведения занятий и собраний ячейки «[REDACTED]» роль и место каждого из упомянутых лиц в иерархии террористической организации, за что они обоснованно осуждены, а не за их религиозные убеждения и изучение ислама, о чём голословно заявляют осуждённые и их защитники, в связи с чем доводы авторов жалоб о непричастности осуждённых к совершению инкриминируемых им преступлений, недоказанности их действий и необоснованности осуждения являются несостоятельными.

Исходя из изложенного, квалификация действий Нодирова З.Г., Нодирова Ф.Ш. и Игамбердыева по ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ, Одинаева, Бурхониддини, Сатторова, Исомадинова, Хидирбаева и Сиддикова по ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ является правильной, оснований для иной юридической оценки содеянного ими не имеется.

Вопреки мнению авторов жалоб, наказание осуждённым назначено в соответствии с требованиями ст. 6, 60 УК РФ, с учётом характера и степени общественной опасности совершённых каждым из них преступлений, смягчающих обстоятельств, данных об их личности и всех обстоятельств дела, а также влияния назначенного наказания на исправление виновных и условия жизни их семей, о чём прямо указано в приговоре.

Обстоятельством, смягчающим наказание Сиддикову, Игамбердыеву и Хидирбаеву, суд верно признал наличие у них малолетних детей, а в качестве обстоятельства, отягчающего наказание Сиддикова, обоснованно учёл рецидив преступлений.

Принял суд во внимание и то, что все осуждённые, за исключением Сиддикова, ранее ни в чём предосудительном замечены не были, к уголовной ответственности привлечены впервые, их положительные характеристики с мест жительства, учёбы и работы, состояние здоровья и престарелый возраст их родителей, а также имущественную несостоятельность осуждённых.

Именно эти обстоятельства позволили суду прийти к выводу о неприменении к осуждённым предусмотренного санкциями ч. 1 и ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ дополнительного наказания в виде штрафа.

Известны были суду и фактически приняты во внимание при решении вопроса о наказании иные обстоятельства, положительно характеризующие личность осуждённых, касающиеся их возраста, условий жизни и рода занятий, о чём указывают адвокаты Трифонова Л.Ю., Дорина Н.В., Самохвалов В.С. и осуждённый Игамбердыев.

Вместе с тем, при определении наказания подсудимым суд обоснованно исходил из высокой общественной опасности совершённых ими преступлений, за которые действующим законодательством Российской Федерации установлена строгая уголовная ответственность, в связи с чем суд пришёл к правильному выводу о том, что цели наказания осуждённых могут быть достигнуты только в условиях лишения их свободы. При этом срок данного вида наказания, назначенного каждому из них, суд определил близким к минимальному, предусмотренному санкциями ч. 1 и ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, соответственно.

Судебная коллегия также соглашается с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для изменения категории совершённых преступлений на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Таким образом, назначенное осуждённым наказание в силу ст. 6 УК РФ является соразмерным содеянному ими и не может быть признано несправедливым по мотиву суровости.

Вопрос о вещественных доказательствах по делу разрешён правильно.

Вместе с тем, постановленный по делу приговор подлежит изменению, поскольку суд необоснованно сослался в обоснование своих выводов на протокол проверки показаний Игамбердыева на месте от 17 ноября 2017 г.

Как усматривается из протокола судебного заседания, указанный протокол в ходе судебного разбирательства не оглашался. Следовательно, в силу ч. 3 ст. 240 УПК РФ суд не вправе был ссылаться в приговоре на данный протокол следственного действия.

Исключение указанного доказательства из приговора само по себе не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, который постановлен на достаточной совокупности иных доказательств по уголовному делу, отвечающих требованиям закона.

Других нарушений норм уголовно-процессуального и уголовного законов, которые повлияли бы на выводы суда о виновности осуждённых и послужили основанием для отмены или изменения приговора суда, кроме изложенных выше, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства не допущено.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 389¹³, п. 9 ч. 1 ст. 389²⁰, ст. 389²⁶, 389²⁸ и 389³³ УПК РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

определила:

приговор Московского окружного военного суда от 15 февраля 2019 г. в отношении Игамбердыева Хамида Алиджоновича изменить.

Исключить из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на протокол проверки показаний Игамбердыева Х.А. на месте от 17 ноября 2017 г.

В остальном указанный приговор в отношении Нодирова Зафара Гаффоровича, Нодирова Фархода Шухратовича, Игамбердыева Хамида Алиджоновича, Одинаева Алиджона Иброгимовича, Бурхониддини Собирджона, Сатторова Муроджона Абдунабиевича, Исомадинова Отабека Рабидиновича, Хидирбаева Азиза Наруллаевича и Сиддикова Сардорбека Абдулхамидовича оставить без изменения, апелляционные жалобы защитника осуждённого Нодирова З.Г. – адвоката Трифионовой Л.Ю., защитника осуждённого Нодирова Ф.Ш. – адвоката Сохиевой С.В., осуждённого Игамбердыева Х.А. и его защитника – адвоката Дориной Н.В., осуждённого Одинаева А.И. и его защитника – адвоката Моисеевой Е.Л., осуждённого Бурхониддини С. и его защитника – адвоката Самохвалова В.С., осуждённых Сатторова М.А. и Сиддикова С.А., защитника осуждённого Исомадинова О.Р. – адвоката Гаджиева Б.Э., защитника осуждённого Хидирбаева А.Н. – адвоката Хасавова Д.З. – без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи

